

Полное собрание сочинений А. Марлинского
Русские повести и рассказы
(восемь частей третьим изданием)

Кавказские очерки. Стихотворения и полемические статьи.
Повести и прозаические отрывки,
оставшиеся после смерти автора.
Двенадцать частей. Санкт-Петербург. 1838-1839.

В.Г. Белинский. Взгляд на русскую литературу.
М., Современник, 1988
OCR Бычков М.Н. <mailto:bmnn@lib.ru>

Давно уже критика сделалась потребностью нашей публики. Ни один журнал или газета не может существовать без отдела критики и библиографии; эти страницы разрезаются и пробегаются нетерпеливыми читателями даже прежде повестей, без которых никакое периодическое издание не может держаться и при самой критике. Что означает это явление? - Отвечаем утвердительно: оно есть живое свидетельство, что в нашей литературе настает эпоха сознания. "Но, - скажут нам, - предмет сознания есть явление, и потому всякое явление предшествует сознанию, а всякое сознание есть, так сказать, следствие явления; что же мы будем сознать? Неужели наша литература так богата, что мы уже доходим до необходимости перечитать, переметить и переценить ее сокровища? Неужели мы столько насладились ее избытками, что для нас наступает уже время другого наслаждения - сознания первого наслаждения? И когда же успела совершить свой круг эта юная литература, которая еще только в недавнем прошедшем 1839 году переступила за столетие своей жизни?" Чтобы отвечать на такое возражение, должно предварительно условиться в значении слова "литература". Прежде всего под "литературою" разумеется письменность народа, весь круг его умственной деятельности, от народной песни, первого младенческого лепета поэзии, до художественных созданий - этих зрелых плодов творчества, достигшего полного своего развития; от глубокого ученого сочинения до легкой газетной статьи или брошюрки об устройстве овинов или об истреблении тараканов. Потом под "литературою" разумеют собственно поэтические произведения, наконец - все легкое, служащее забаве и развлечению и доступное даже профанам в науке и искусстве. Но во всяком случае и во всех этих значениях литература есть сознание народа, цвет и плод его духовной жизни. Теперь спрашивается: подходит ли русская литература под все сии определения или под которое-нибудь из них исключительно? - Отвечаем - да, за исключением, впрочем, стороны собственно ученой. Россия еще не успела обнаружить самостоятельной деятельности на поприще науки, но обнаруживает только живое стремление к знанию и живую понятливость ученика. Однако ж и здесь найдется несколько блестящих исключений, особенно в литературе математики, естествознания, путешествий, гордящейся не одним блестящим русским именем. И как понятно, что наша ученая деятельность могла положительно проявляться только в знаниях точных, а не в умозрительных: первые во всякое время имеют свою безотносительную истину; вторые же Россия застала в эпоху усиленного и быстрого движения, когда они в одно десятилетие переживали столетия. Укажем только на теорию искусства: до двадцатых годов в нашей литературе царствовал французский классицизм, а с этого времени одни заговорили о трактате Канта "О высоком и прекрасном", другие о братьях Шлегелях, об Асте, а некоторые и о Шеллинге; но, говоря, о, них, они не понимали друг друга, ни даже самих себя; их - неприготовленных - застиг сильный переворот в идеях, развившихся в Германии исторически, а к нам перешедших в каком-то пестром беспорядке. И потому эти господа не знали, на чем остановиться, на что опереться, что принять за основное и непреходящее, ибо что вчера считалось утвержденным и новым, то завтра объявлялось у них опровергнутым и устаревшим. И до сих пор еще относительно теории искусства царствует в нашей литературе какой-то хаос: одни требуют критики, основанной на разумных и, так сказать, априорных началах искусства, в их современном состоянии; другие, сознав свое бессилие достигнуть в этом стремлении каких-нибудь положительных результатов, снова обратились к произвольной французской эстетике и, с грехом пополам, перебиваются старою рухлядью, которую некогда сами рвали и истребляли во имя нового, плохо ими понятого. Les beaux esprits se rencontrent {Великие умы сходятся (франц.). - Ред.} - и